

Тем, кто идет за нами...

К 140-летию со дня рождения
А. Н. Толстого (1882–1945)

На исходе зимы 1944 года И. В. Сталин потребовал к себе руководителя Союза писателей СССР А. А. Фадеева. Вождь устроил писательскому генсеку гневную головоломку за потерю бдительности. «Разве вам не было известно, – повторял он в ходе разноса, – что Алексей Толстой английский шпион». В конце 1945 года в «английские шпионы» на самом верху была произведена А. Ахматова, физик П. Л. Капица и другие...

По своим личным пристрастиям и житейским связям Толстой и Капица принадлежали к одному дружественному кругу. Их друзьями и близкими знакомыми были: вдова Горького Е. П. Пешкова, писатели Г. Уэллс, С. Маршак, М. Пришвин, Э. Эренбург, Любовь Орлова и другие.

Что же привлекало и тянуло друг к другу Толстого и Капицу? Прежде всего присущее обоим жизнелюбие, тяга к радостям бытия, веселое с юмором ощущение происходящего, бесконечное разнообразие вкусов жизни и изобретательных гастрономических талантов Алексея Толстого. После вечеринок и встреч с друзьями он обматывал голову полотенцем и за стол. За работу. Только кто это видел, кроме самых близких.

Близость взглядов, вкусов, натур, привычек часто придает черты сходства и семейным укладам. На протяжении почти полутора десятков лет писателя и физика объединяла не только личная дружба, но и близость «домами», семьями.

В завязавшихся отношениях с академиком Капицей, помимо сходства натур и интересов, поначалу какую-то роль играло еще и то, что Толстой был «человеком с Запада», вернувшимся из эмиграции. С первой половины 20-х годов Толстой представлял собой одну из самых ярких и притягательных фигур Ленинграда. Причем не только литературно-художественной, но и вообще интеллектуальной элиты города.

Старшие дети писателя – пасынок Федор и сын Никита избрали профессию физиков. Профессор физики и лауреат Сталинской премии Никита

Толстой вспоминает: «Отца связывала глубокая дружба с рядом ученых: с Бонч-Бруевичем (радио), с Капицей (физика), Галкиным и Сперанским (физиология), Новотельновым (медицина). Эта дружба была проникнута сердечным уважением к этим людям).

Толстой по образованию был инженером. Проблемы науки живо интересовали автора «Гиперболоида инженера Гарина» и других научно-фантастических сочинений. Технические идеи романа – устройство Оливинного пояса и конструкцию «гиперболоида» – консультировал академик П. П. Лазарев, руководитель исследования Курской магнитной аномалии, геофизик и биофизик по специальности, друг Капицы.

1923 – 1928 годы для А. Н. Толстого – период интенсивного творчества. Он пишет рассказы, романы «Аэлита», «Гиперболоид инженера Гарина», повесть «Союз пяти», пьесу «Бунт машин». С 1929 по 1941 годы работает над трилогией «Хождение по мукам» («Сестры», «Восемнадцатый год», «Хмурое утро»). Параллельная работа писателя – пересказы русских сказок.

В 1930 году Толстой завершает первую книгу романа «Петр Первый». Интерес к переломной эпохе и своенравной личности Петра Первого проявился на крутом историческом переломе. «С первых же месяцев февральской революции, – рассказывал автор романа, – я обратился к теме Петра Великого». Должно быть, скорее инстинктом художника, чем сознательно, я искал в этой теме разгадки русского характера и русской государственности».

Если читать параллельно «Петр Первый» Толстого и «Антихрист. Петр и Алексей» Мережковского и глубже погружаться в текст, видно, что оба произведения хороши по-своему. Хотя «Антихрист» Мережковского написан много раньше, он способен сильнее ударить по болезненно напряженным нервам современного человека. Роман полон ужасных прозрений и предчувствий, к сожалению сбывшихся.

У романа Толстого могло быть другое название – «Молодость Петра». Жизнь героя прослежена от детства до 1703 года, когда Петру 31 год и фортуна только поворачивается к нему лицом (первые победы над шведами и основание Петербурга). Книга, несмотря на все ужасы изображаемой действительности, полна энергии и оптимизма. Читая ее, веришь, что при всех уродствах и кошмарах отечественной истории, народ преодолеет ненастья, а Россия – выстоит. В 1934 году завершена вторая книга трилогии «Петр Первый».

Автор «Петра Первого», «Детства Никиты», «Приключений Буратино», «Хождения по мукам» других блистательных сочинений, а также рептильных опусов вроде романа «Хлеб» (о роли Сталина в гражданской войне) был

депутатом Верховного Совета СССР и сановником немалого числа постов и должностей.

Конечно и помимо личных связей с физиком Капицей (будущим лауреатом Нобелевской премии и строптивым академиком) главари НКВД располагали на А. Н. Толстого солидным пакетом «компроматов». Их извлекали из самых разных источников, событий и происшествий. «Английский след» выводился из многолетних отношений писателя с миллионером Гербертом Уэлсом, из сердечной привязанности великого фантаста к международной авантюристке – литературному агенту А. Н. Толстого в англоязычных странах баронессе М. И. Будберг и контактов с давним приятелем этой «железной женщины» британским разведчиком Брюсом Локкартом, из дружбы с эмигрантом Евгением Замятиным, прозванным «англичанином» и т.п. В ход шли и некоторые эпизоды руководящей деятельности А. Н. Толстого на посту председателя Иностранной комиссии Союза писателей СССР (с 1938 года). Однако самый многообещающий пласт замыкался на Капице.

О виртуозности игровых перевоплощений в жизни, будто на сцене, его друга «красного графа» ходили легенды. Приемы игры для реализации собственного таланта и осуществления личных и общественных целей в условиях тупиковых, часто почти безнадежных ситуаций, блестяще использовали оба. «Из жизни двух игроков» – так и хочется назвать происходящее.

Оба курили трубки. В стране был и третий любитель этого способа умеренного поглощения никотина, обладатель знаменитой державной трубки. Однажды мундштук вождя попеременно указал на двух друзей – на Алексея Толстого и Петра Капицу.

Алексея Толстого Иосиф Виссарионович включает в государственную делегацию в Чехословакию на долгий срок (накануне его свадьбы с Людмилой Ильиничной Баршевой, библиотекарем Ленинградского дома писателей, моложе его на 23 года и развода с первой женой Натальей Васильевной Крандиевской, с которой он прожил 20 лет). Сколько ни бился и ни старался Толстой отказаться, ссылаясь на семейные обстоятельства, но тут номер не прошел. Шел октябрь 1935 года. Сталин, находившийся в этот месяц в своей резиденции в Сочи, дважды рассмотрел и утвердил список делегации. Никаким изменениям список теперь не подлежал...

Заграничный вояж стоил Толстому нескольких недель пребывания почти как «на раскаленной сковородке». Потоками писем и телеграмм он убеждал Людмилу остаться верной принятому решению. Клялся в любви, снова и снова

расписывал свои переживания, намекал даже на возможность самоубийства. В конце концов все образовалось. Он вернулся. Людмила осталась с ним.

Гораздо более опасным было сталинское вмешательство в судьбу друга Толстого – Капицу. 13 лет ученый проработал в Кембридже с Резерфордом, заложил там новое направление в физике, а теперь в одночасье все это кончилось.

Ему запретили выезд и дальнейшую работу в Англии, у Резерфорда. А это означало, что он потерял созданную им лабораторию в Кембридже, плоды своих многолетних усилий, дело жизни. Малолетние сыновья остались в Англии. Он брел медленно, не оглядываясь. Знал, что те двое – то ли охрана, то ли конвой, продвигаются за ним.

И он и Алексей Толстой постоянно находились под контролем НКВД. В кабинете на работе где-то прятались «жучки». Важные разговоры лучше было вести на улице. Особенно с лета 1945 года, когда П. Л. Капица был включен в работу над атомным проектом. Алексей Толстой бывал во флигеле на территории ИФП (Института физических проблем), где проживали Капицы – как у себя дома.

Общность натур и жизненных поворотов проявлялась даже в витках карьеры: оба друга были академиками АН СССР одного призыва (январь 1939 года) и лауреатами Сталинской премии одних месяцев и лет (март 1941; март 1943).

В 1938 году, измучив «оригинал» разнообразием позирования, художник Павел Корин создал портрет А. Н. Толстого (он находится в Третьяковской галерее). Когда Петр Леонидович с женой вернулись из казанской эвакуации, их приютили у себя в Барвихе Толстые.

Убийство Кирова явилось крутым поворотом в общественной жизни страны, знаком к началу всеобщего массового террора. В своей мемуарной книге Дмитрий Толстой рассказывает, как у них в семье прошел роковой день. А. Н. Толстого срочно вызвали, чтобы на перроне московского вокзала в числе других представителей интеллигенции, а также работников Смольного и НКВД, встречать срочно выехавшего в Ленинград Сталина. Старшие в семье – братья Федор, Никита и сестра Марианна ждали в столовой, надеясь, что отец многое расскажет, когда вернется. «Под вечер раздался звонок, в передней появился отец. Лицо его было бледно-серого цвета. Мы все кинулись к нему: «Ну как? Расскажи! Кто же убийца?». Помню отец оглядел нас всех и около минуты постоял молча. Мы затаили дыхание. «Что вам сказать? Дураки вы все. Ничего не понимаете и никогда не поймете!», – резко, но не повышая голоса произнес он и поднялся к себе в кабинет. Раздался стук захлопнувшейся двери»...

Алексей Николаевич, несомненно, глубже многих понимал происходившее в стране. Сразу оценил не только зловещий факт убийства, но и масштабы последствий. Точно также, гораздо лучше многих, он был осведомлен и о личности убитого и о ближайшем его окружении. Сам Сергей Костриков (Киров) в бытовом смысле привык к воздержанности. Тут он как и другие высшие партийцы (Сталин, Бухарин, Рыков) был человек достаточно непритязательный. Но зато политического гонора и чиновных амбиций было ему не занимать...

Заведенная на А. Н. Толстого папка о шпионаже в пользу Англии пополнялась регулярно сведениями о его встречах с Капицей (на того «пухло» дело с 1934 года). Начало этому положил еще Генрих Ягода. В 1934 – 35 годах у главы вездесущего ведомства были, вдобавок, собственные причины не спускать глаз с Толстого и по возможности копить на него компромат. Между ними стояла красавица Тимоша, сноха Горького, в которую были влюблены оба.

Даже домашний круг Толстого не был избавлен от «соглядатаев» Лубянки. Варлам Шаламов в серии «Колымских рассказов» пишет об одном из таких соглядатаев. Это многолетний друг Алексея Толстого, потомственный граф и генерал-майор А. А. Игнатьев, автор известной книги «Пятьдесят лет в строю». Через Алексея Толстого он сблизился с Капицей, бывал у него дома.

В 1938 году Толстой стал председателем Иностранной комиссии Союза писателей СССР. Под ее вывеской проводилась политика зарубежных контактов, нужная центральному партийному аппарату и НКВД. Наиболее важные ее решения контролировались в ЦК и на Лубянке. Аппарат комиссии был обильно прослоен скрытыми сотрудниками спецслужб.

Толстой и Фадеев не просто сотрудничали по текущим делам и дружили, они выезжали вместе за границу – в Чехословакию, дважды охваченную гражданской войной Испанию, во Францию. На исходе зимы 1944 года Сталин вызовет к себе Фадеева и укажет ему на крупных международных шпионов, «свивших гнездо» в Союзе писателей. Шпионами объявлены Алексей Толстой, Илья Эренбург, Константин Федин и другие.

С. Я. Маршак (75-летний), приятельствовал с А. Н. Толстым и тоже числился в «шпионах». Самуил Яковлевич был человеком рассудительным и остроумным. Зайдя однажды в феврале 1935 года повидать лежащего после инфаркта Толстого, он расшевелил больного настолько, что тот «загорелся» переработать сказку итальянского писателя Карло Коллоди «Пиноккио». «С благословения Маршака пишу на ту же тему по-своему». Так родилась повесть-сказка «Приключения Буратино».

В 1930-м году, когда происходили очередные гонения на церковь, Толстые поселили во флигеле своего дома священника – отца Константина, добрейшего и образованнейшего иерея с матушкой Елизавией. Приютили, записав в качестве своих дальних родственников. На такой поступок, по тем временам, дерзнул бы не каждый. Толстой смотрел на вещи конкретно и стоял на позициях ответственности человека за свои поступки. Если же освежить в памяти фигуры поборников религиозной идеи из сочинений А. Н. Толстого, то там есть люди разных моральных достоинств и разной меры преданности идеалам, которые писатель соотносит, прежде всего, с защитой народно-национальных интересов. Но одно сказать можно твердо: хотя Толстой в печати советских лет и не прочь был покрасоваться фразами: «Октябрьская революция дала мне все» или « Марксизм – живая вода» – тема богоборчества в его творчестве отсутствует начисто.

В разговорах Толстого и Капицы с Эйнштейном о религии, Эйнштейн прямо заявлял, что он человек верующий. «Основой всей научной работы, – утверждал Эйнштейн, – служит убеждение, что мир представляет собой упорядоченную и познаваемую сущность. Мое религиозное чувство – это почтительное восхищение тем порядком, который царит в небольшой части реальности, доступной нашему слабому разуму».

Как человек богато одаренный от природы, Толстой был почти чужд комплексов неполноценности – зависти и ревности. Кроме единственного может быть случая: эпизода отношений автора трилогии «Хождение по мукам» к роману Шолохова «Тихий Дон». Толстой был старше Шолохова на 22 года. Они были непохожи друг на друга во всем: в биографиях, в образе жизни, круге знакомств, во вкусах и пристрастиях. Единственное, что их сближало – это интерес к теме гражданской войны, да легкая тень двусмысленности литературных репутаций. В 1939 году оба в один день были избраны действительными членами Академии Наук по отделению языка и литературы, состояли депутатами Верховного Совета СССР с момента его создания.

В сентябре 1940 года, после создания комитета по Сталинским премиям при СНК СССР, председателем секции литературы стал Толстой. Произошло это при поддержке А. А. Фадеева. К этому времени вышла четвертая книга «Тихого Дона». Роман был выдвинут на соискание Сталинской премии. Разгорелись споры в комитете, но в судьбу премии вмешался Сталин. Вождю нравился роман. И 15 марта 1941 года «Тихий Дон» получил Сталинскую премию первой степени. В 1943 году Сталинскую премию первой степени получила и трилогия « Хождение по мукам» (в 1941 году – Сталинская премия за роман «Петр Первый»). Секретарь Толстого Ольга Брониславовна

Никифорова вспоминает события, когда на экранах появилась вторая часть кинофильма «Петр Первый» по сценарию Толстого: «Как-то утром звонит секретарь Сталина и говорит, что Иосиф Виссарионович срочно вызывает Толстого. Даже машину, мол, сейчас прийдет. Уехал Александр Николаевич. Час его нет, два, три, четыре...Я уже потихоньку начинаю собирать вещички. Вдруг вваливается радостный Алексей Николаевич и говорит: «Вкусный был обед, а какой подарок я получил!» Достает из кармана трубку. Я обменялся с НИМ трубками!». Сталину, оказывается, вторая часть «Петра» понравилась больше, чем первая, а то, что автор курит трубку, завершило дело. Помимо трубки вождя за сценарий кинофильма «Петр Первый» А. Н. Толстой получил еще и орден Ленина.

Комитет по делам искусств при СНК СССР заключал договоры с драматургами на пьесы, задававшие тон в репертуарной политике, которые предполагалось ставить на важнейших сценах страны. Как сообщал Сталину в апреле 1942 года один из главных партийных идеологов того времени А. С. Щербаков, пьеса Толстого «Иван Грозный» писалась по специальному заказу Комитета по делам искусств. Договор подписан с Комитетом в декабре 1940 года. Намечалось закончить пьесу к сентябрю и «спустить» в театры к открытию нового сезона. Однако все планы перевернуло 22 июня – начавшаяся война.

Иноземое нашествие затронуло то, что составляло главную струну и нерв натуры Толстого – чувство Родины, убеждения патриота, вызвало взрыв энергии и страсти писателя, взлет таланта. Военная публицистика Толстого печатается тогда во всех газетах! Статьи «Родина», «Москве угрожает враг», «Фашисты в Ясной Поляне»... Около 70-ти статей написаны А. Н. Толстым во время Великой Отечественной войны, причем большинство приходится на первый, самый тяжелый год.

В созданную Чрезвычайную комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков (комиссия была создана 2 ноября 1942 года) входили 10 человек. Помимо председателя Н. Шверника и секретаря ЦК партии А. Жданова в нее входили 5 академиков из разных отраслей: летчица В. Гризодубова (довоенный Герой Советского Союза), митрополит православной церкви Николай и писатель А. Н. Толстой. Это сыграло роковую роль в его судьбе. Раскопки рвов и ям с плотными массами тысяч трупов потрясали. Толстой в статье «Коричневый дурман» пишет: «Немало людей, живущих вдали от войны, с трудом и недоверием представляют себе противотанковые рвы, где под насыпанной землей – на полтора метра в глубину – лежат почтенные граждане, старухи, профессора, красноармейцы вместе с костылями, школьники, молодые девушки, женщины,

прижимающие истлевшими руками младенцев, у которых медицинскими экспертами обнаружена во рту земля, так как они были закопаны живыми»...

Эти ужасы, свидетелем которых А. Толстой был, губительно точили этого как будто неуязвимого, беспечного жизнелюба. Он возвращался из этих страшных поездок разбитым. Это его уничтожало...

Затемнение в правом легком было обнаружено у Толстого в июле 1944 года. Уже с середины мая он периодически чувствует сильное физическое недомогание. А в конце того же месяца с помощью приглашенного юриста составляет завещание. 10 июля Толстой ложится на обследование в Кремлевскую больницу. Рентгеновские снимки подтвердили затемнение в легком, диагноз – злокачественная опухоль. Подключаются лучшие медицинские светила, в том числе зарубежные. Но из-за своего расположения опухоль неоперабельна.

18 октября 1944 года в Малом театре состоялась премьера пьесы Толстого «Орел и орлица» (об Иване Грозном и его любимой жене Марии Темрюковне), на которой присутствовал автор. На премьеру неожиданно явился Сталин и ушел со спектакля разгневанным. После этого, хотя драматург был тяжело болен, начался тур доработок текста. Готовилась новая премьера спектакля (она и состоялась в Малом зале 3 марта 1945 года, через 8 дней после смерти автора).

Одним из лучших качеств и достоинств Толстого была его верность друзьям. Он старался помочь им, чем мог. Это относится и к Анне Андреевне Ахматовой, и к Соломону Михоэлсу и ко многим другим. Галина Уланова, многие годы дружившая с Толстым, рассказывает в воспоминаниях, как противился смерти писатель. Он играл с ней в «жмурки», отталкивал ее от себя. Сентябрь – октябрь 1944 года балерина провела одновременно с Толстым и его женой в подмосковном санатории «Сосны». «Болезнь подступала к нему все настойчивей. Он отшучивался от нее. Сказал мне однажды: «Смотри, Галя, мне стала мала шляпа. Голова выросла – наверно поумнел»...

Новый год Толстой считал самым дивным из праздников, а тут еще совсем впритык к Новому году подступал его день рождения, 10 января (по новому стилю). Уступая настойчивым просьбам писателя, почти мольбам, врачи правительственного санатория пошли на нарушение лечебного режима, дали короткий отпуск и разрешили ему отметить день рождения (ясно было всем – последний) на своей даче в Барвихе.

Из жизни Толстой уходил, затеяв веселый праздник с друзьями, устроил себе радостное прощание. Собрал близких друзей, большинство были с женами. Машина с гостями застревала в этот метельный вечер по дороге в

Барвиху. Но прибыли все, как один. Алексей Николаевич был лихорадочно весел, подвижен, внимателен к гостям. И мало кто мог представить, что еще за несколько часов до этого, у него горлом шла кровь.

23 февраля 1945 года А. Н. Толстой умер.

Если взять иерархически четко расписанную официальную сторону погребальной процедуры, то хоронили А. Н. Толстого по второму разряду. Ни Сталин, и даже ни один из членов Политбюро на прощание с покойным не пришел. В Малом зале Дома Союзов, где был выставлен гроб с телом, а на следующий день после кремации – урна с прахом А. Н. Толстого, высшим деятелем, представлявшим партию и государство был председатель комиссии по немецким зверствам Н. М. Шверник. Он же на Новодевичьем кладбище держал главную речь от руководства страны. От писателей над могилой прощался с покойным Михаил Шолохов. Говорил и Константин Федин. Лицо его было красно от слез. Остальные атрибуты увековечивания также были соблюдены. Опубликовано постановление СНК СССР «Об увековечивании памяти писателя Алексея Николаевича Толстого». Предписывалось соорудить памятник А. Н. Толстому в Москве и установить мемориальную доску на доме № 2 по улице, где он жил. Сама улица Спиридоновка переименовывалась в улицу Алексея Толстого. ОГИЗ РСФСР обязывался в годичный срок издать Полное собрание сочинений писателя, что, разумеется физически сделать было невозможно и растянулось затем на 5 лет (по составу Собрание даже и близко с «Полным» не «лежало»). Устанавливались именные стипендии А. Н. Толстого в Московском университете и в Литературном институте.

Вопрос о «шпионаже» применительно к А. Н. Толстому с повестки дня исчез. Обычные же современники, разумеется, ни о чем подобном даже не подозревали...

XX век, когда в неслыханных масштабах утвердилось и развилось манипулирование людскими массами и народами со специально разработанными на то идеологиями, структурами управления и аппаратом государственного подавления, именно ответной реакцией нормального человеческого существа и живого человеческого чувства на такие процессы и интересен читателям XXI века этот писатель с его высоким художественным даром.

С произведениями Алексея Николаевича Толстого и книгами о нем вы можете познакомиться в отделе абонементов Национальной библиотеки РА.

*Галина Фалько, ведущий библиотекарь абонемента
Национальной библиотеки РА.*